

более демократическое переосмысление. Любопытно, что известная повесть конца XVII в. о Фроле Скобееве была творчески переработана демократическим писателем второй половины XVIII в. И. Новиковым и вошла в состав его повествовательного Сборника «Похождения Ивана Гостиного сына» под заглавием «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный свадебным». Переработка эта замечательна не только обилием колоритных черт живого московского просторечия второй половины XVIII в., но и той иронией, с какой изображаются теперь представители московского боярства, самые фамилии которых, введенные автором, — Кошкодавов и Собакин — звучат насмешливо.

Другое произведение древней русской литературы — «Повесть о Петре и Февронии» — также было переосмыслено в последние десятилетия XVIII в. Так возникла четвертая редакция этой «Повести», общая характеристика которой была в свое время сделана мною,¹ но самый текст оставался до сих пор неопубликованным. Публикуя его теперь, мы не можем не подчеркнуть, что произведение это, в основе своей народное, и в первом литературном оформлении отличалось относительным демократизмом в духе XVI в., а теперь, в последние десятилетия XVIII в., стало, с одной стороны, еще более светским, освободившись от предисловия и послесловия в религиозном стиле, восходящих к XVI в., а с другой стороны, в соответствии с идейным уровнем времени прониклось новыми демократическими мыслями.

В тексте новой редакции, после упоминания о венчании Февронии, сделана вставка об ее добродетели, описывающая ее гуманную деятельность такими чертами: «Феврония же сво[и]ма рукама странных поила и кормила и покоила, в темницах селящих посещала и от темниц свобождала, все благое и доброе содевала и сироты и вдовы питала» (л. 171).

Далее, при изображении отношения бояр к Февронии, особенно подчеркивалось, что «она крестьянска рода и дочь бобыльская» (л. 172). Бояре требуют, чтобы Феврония «отстала деревенскова обычая не по-боярски ходити бесчинно» (л. 171 об.).

Особенно интересно, что новый редактор последовательно проводит демократические мысли. Он не только говорит о праве бояр выбирать князя, но рядом с вельможами и боярами ставит представителей более широких кругов, называя их «градские люди» и полагая, что все они «от всего града и народа присланы». Мысль о народе как источнике власти сказывается и далее, когда представителям города и народа влагается в уста заявление, что «мнози хотят самодержавствовати сами собою, а не от мира избраны».

Демократические настроения нового редактора, откликающиеся на переловую общественную мысль последней трети XVIII в., станут для нас особенно ясными, если мы сопоставим соответствующее место по двум редакциям — второй и четвертой.

Вторая редакция

И абие приидоша вельможи от града Мурома, моляще и глаголюще: «О, господине княже, от всех вельмож и от всего града приидохом молити тя, да не оставиши нас сирых, но возвратиши на свое

Четвертая редакция

И в тот же день приехали сюда вельможи и бояря и градские люди от Мурома пришли, Начаша молити князя и княгиню: «О, великий князю и господине наш, мы к тебе от всего града и народа

¹ В. Ф. Ржиги. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗЭК вып. XXXIII, стр. 143—145.